

Свет и тени Василия Гельмерсена

Рос. Вестн. - 1994. - 9 апр. - с. 6

Новые книги

«Его просили «показать Пушкина», и он охотно это делал: брал бумагу (какая попадется под руку, чаще всего плохая), ножницы (неудобные, тупые, мученье, а не ножницы) и на глазах затаивших дыхание эзков в тесном закоулке, отведенном для редакции газеты «Перековка» на строительстве ворот первого шлюза будущего Беломорско-Балтийского канала в поселке Медвежья гора, .. «наизусть» резал силуэты из «Онегина». Это было в 1933 году...»

Ирина КАРПЕНКО

Василию Васильевичу Гельмерсену исполнилось тогда шестьдесят. А выглядел он на девяносто. В 1934 году был еще жив. Где умер, когда - неизвестно. Первый биограф художника - сотрудник Государственного литературного музея Н.А.Марченко любовно собрал все сведения - скупые, впрочем, - о жизни замечательного мастера-силуэтиста. Но главная ее заслуга в том, что вместе с рыцарями издательского дела из «Московского рабочего» она дала жизнь книге, выпустить в свет которую мечтали и в 1915 году, и в 1937-м, и в 1941-м. Но книга не вышла.

И вот она перед нами: «А.С.Пушкин. «Евгений Онегин» в силуэтах В.Гельмерсена», МР, 1993. Открываешь ее и будто бы попадаешь в странный мир - пушкинский, узнаваемый, но это мир - воспоминаний-теней. Тень, конечно, нечто мистическое. Но в черных онегинских силуэтах Гельмерсена ничего такого нет. Парадокс? Или закономерность отдаленного во времени читательского восприятия? Ведь что-то подсобное - портреты! - были в старинных дворянских семьях, в альбомах уездных барышень. А

военные сцены Федора Толстого - увлечение общества пушкинского времени, стиль ампир...

В начале XX века, когда Гельмерсен создавал свои онегинские образы, в моде был совсем другой стиль, царили мирискусники. Силуэты Василия Васильевича казались многим безнадежно устаревшими. Но он не гнался за модой, скорее - за пушкинской строфой. И светлый, летящий, многокрасочный пушкинский мир он вырезал, играя светом и тенью. Как тонки его вырезанные линии, как стремительно «стрелой» «швейцара мимо» взлетает Онегин по мраморным ступеням; как изящны лорнеты, жесты, трости, ограды, дерева; а Жучка в салазках того и гляди - на мальчика твякнет... Но может ли силуэт быть ироничным? Конечно, если подсказывает сам Пушкин...

Гельмерсена называли художником-дилетантом. Конечно, ведь по образованию он был юристом, по служебной лестнице продвигался как бухгалтер. Дослужился до камерюнкера! Как Пушкин... И бросил эту министерскую службу в 1914 году, чтобы стать помощником (впрочем, старшим) заведующего дворцовой библиотекой Эрмитажа. Зато это была настоящая жизнь: среди книг, среди произведений искусства и в среде художников. Его силуэты уже

начали ценить, и он сам участвовал в выставках...

Потом, уже при советской власти, он работал и в конторе губземуправления, и в Русском музее, и в управлении делами академии наук. Он знал французский, немецкий, английский, шведский. Он был «из бывших». В 1932 году, когда начали выдавать паспорта, Гельмерсен паспорта не получил...

Н.А.Марченко опубликовала статьи А.М.Эфроса и А.А.Сидорова к готовившимся в 1937-м и в 1941-м изданиям силуэтов Гельмерсена - конечно, только в качестве иллюстраций к тексту романа. Биограф художника считает, что авторитетнейшие ценители искусства, какими были Эфрос и Сидоров, конечно же, знали о лагерной судьбе Гельмерсена. Знали. И так много доброго написали о нем. Не побоялись. Как скоро мы иной раз на суд тех, кому жить пришлось в те страшные годы. Как мало знаем о них. А уж до уровня эрудиции «бывших» нам, сегодняшним-то, как до Монблана!

Такая тоненькая книжка: и бумага могла бы быть получше, и переплет с суперобложкой не помешал бы... Впрочем, стоит недорбо, а цены ей нет.

Ответственная за выпуск Ирина ГОРЮНОВА.

Пушкин А.С.

9.4.94.